

УДК 347.113

**ПРАВИЛО «LEX SPECIALIS DEROGAT GENERALI» КАК СРЕДСТВО
РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ МЕЖДУ ОБЩИМИ И СПЕЦИАЛЬНЫМИ
НОРМАМИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

Забелин Д. И.

Юридический институт, Севастопольского государственного университета

В статье исследуются критерий квалификации соотношения между нормами гражданского права как соотношения общей и специальной нормы и особенности отдельных видов соотношения общих и специальных норм гражданского права. Делается вывод о том, что названным критерием является сфера действия правовых норм: сфера действия специальной правовой нормы является частью сферы действия общей правовой нормы и не выходит за пределы последней. Общая и специальная правовые нормы могут находиться в соотношении противоположности (контрарности). Другой вид соотношения общих и специальных правовых норм – это соотношение простого противоречия, когда содержание общих и специальных правовых норм не является противоположным, но все же они несовместимы (не могут применяться одновременно) по содержанию (обычно диспозитив, а реже – гипотез). В случаях контрарности или простого противоречия между общей и специальной правовыми нормами они не могут применяться одновременно, и специальная правовая норма в сфере своего действия исключает применение общей правовой нормы (действует правило «lex specialis derogat generali»).

Ключевые слова: общая правовая норма; специальная правовая норма; сфера действия правовой нормы; коллизия; несовместимые правовые нормы.

Термины «общая» и «специальная» правовые нормы, «общий» и «специальный» закон стали общеупотребительными, а правило «lex specialis derogat generali» стало общепризнанным. Но всегда, когда речь заходит о деталях понимания указанных терминов или о реальном применении указанного правила, обнаруживаются глубокие и даже совершенно непримиримые различия и в понимании названных терминов, и в интерпретации названного правила.

Проблемы квалификации соотношения между правовыми нормами как соотношения между общей и специальной правовыми нормами и применения правила «lex specialis derogat generali» исследовались Е.В. Васьковским, А.Ф. Черданцевым, В.Н. Кудрявцевым, Н.А. Власенко, М.А. Заниной, В.В. Денисенко, З.А. Незнамовой, Н.И. Матузовым, А.А. Петровым, Е.Ю. Тихонравовым, И.Н. Васевым и другими учеными.

Целью настоящей статьи является разработка некоторых теоретических положений, которые смогут выполнять роль научной основы для практического применения правила «lex specialis derogat generali».

Не подлежит сомнению обоснованность мнения Л.А. Морозовой о том, что «надо продумать новую типологию юридических коллизий, так как существующая не способна охватить всех видов» [1, с. 37]. Это касается и типологии коллизий между общими и специальными правовыми нормами, которая могла бы использоваться при обосновании использования для разрешения коллизий правила «lex specialis derogat generali». Но при этом следовало бы отказаться от филологических упражнений на тему о том, как соотносятся понятия юридического конфликта, коллизии между правовыми нормами и конкуренции между ними, о чем на полном серьезе идет дискуссия в науке [1, с. 37]. Надо идти другим путем – сначала выявлять и описывать реально существующие соответствующие правовые явления, а затем

договариваться о том, каким термином их необходимо обозначать. А в случаях, когда содержание соответствующего термина прямо или непрямо определяет законодатель, дискуссия в науке в правоприменительном аспекте может вестись только об интерпретации соответствующего термина и соответствующего законодательного положения и не выходить на чисто лингвистическую проблематику типа содержания какого слова «конкуренция», «конфликт» или «коллизия» шире, а какого – уже.

Мы будем исходить из того, что общая правовая норма имеет более широкую сферу действия, чем специальная, а сфера действия специальной правовой нормы не выходит за пределы сферы действия общей. Как писал почти сорок лет тому Н.А. Власенко, «общие нормы призваны регулировать общественные отношения в целом, специальные же регламентируют подвид или часть этого отношения. Иначе говоря, объем регулирования специальной нормы находится в рамках объема общей правовой нормы» [2, с. 85]. Это мнение соответствует тому, что писал Ф.К.ф. Савиньи, основываясь на римских источниках: при наличии противоречия в двух фрагментах законодательного текста предпочтение следует отдать конкретному положению [3, с.425]. Поскольку признак конкретности может касаться и диспозиций правовых норм, то есть самих правил поведения, и сферы действия этих правил (широко понимаемой гипотезы правовой нормы), Ф.К.ф. Савиньи в другом месте поясняет «Каждый из противоречивых фрагментов получает особые условия применения, т.е. своеобразную область господства; либо благодаря тому, что сферу действия правила (в зависимости от разных условий) мы разделим на две одинаковые половины; либо благодаря тому, что будем считать один фрагмент правилом, к которому второй будет относиться просто как исключение» [3, с. 424]. Из этого высказывания четко видно, что критерием выбора из двух противоречивых правовых норм той, которая подходит для применения к данным отношениям, является конкретность не самого правила (диспозиции правовой нормы), а сферы его действия, области господства (широко понимаемой гипотезы правовой нормы). Поэтому следует критически отнестись к попыткам использовать другие критерии, для квалификации соотношения между правовыми нормами как соотношения между общей и специальной правовыми нормами. Так, А.С. Еременко предложил использовать такие критерии для признания правовых норм общими как расположение предписания, устанавливающего такую норму, «текстологически ранее иных коллидирующих норм» [4, с. 364], день введения в действие правовой нормы (общая норма вводится «в действие ранее иных коллидирующих норм гражданского права» [4, с. 365]. Искать новые пути решения старых задач, конечно же, надо, но при этом необходимо бережно относиться к ранее накопленному научному знанию. Место законодательного положения само по себе в тексте нормативного акта (закрепление его в начале или в конце правового акта) настолько формально и настолько зависимо от случайных обстоятельств, что не должно признаваться критерием для квалификации правовой нормы, установленной таким положением, как общей, или фактором, влияющим иным образом, но разрешение коллизий в праве. Что касается времени введения правовой нормы в действие, то, во-первых, в науке обычно говорят о преимуществе позднее принятого (а не позднее введенного в действие) закона. Не имея возможности более подробно останавливаться на этом вопросе, сошлемся на Г. Кельзена, который без каких-либо оговорок признает приоритет позднее принятой нормы [5, с. 257]. Во-вторых, время принятия нормы не может каким-либо образом

повлиять на признание или непризнание этой нормы общей или специальной в ее соотношении с другой нормой.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что правило «*lex specialis derogat generali*» применяется для разрешения коллизий между нормами, являющимися общими и специальными в соответствии с изложенными выше представлениями об этих двух видах правовых норм. После определения сфер действия двух правовых норм, исследуемых на предмет выявления коллизии между ними, и квалификации соотношения между ними как соотношения между общей и специальной правовыми нормами надо перейти к исследованию противоречия (коллизии) между соответствующими правовыми нормами. Это противоречие обычно заключается в содержании диспозиций правовых норм, но часто обуславливается и содержанием их гипотез. Соответствующие противоречия могут быть причиной несовместимости (невозможности одновременного применения) общей и специальной правовых норм, а могут и не исключать их совместимости (возможности одновременного применения). В последнем случае противоречие несет сугубо формальный характер, что исключает применение правила «*lex specialis derogat generali*». Такие коллизии и способы их разрешения автор исследует в другой своей работе.

Есть основания утверждать, что законодатель осознает существование определенного спектра противоречий между положениями правовых актов (термин «правовые акты» понимается здесь широко – в интерпретации С.С. Алексеева) [6, с. 192]. Так, в абзаце втором п.2 ст.1130 ГК говорится о «прямом указании» в завещании на отмену или изменение прежнего завещания, наряду с этим указывается на противоречие между прежним и последующим завещаниями, при котором также отменяется полностью или в части прежнее завещание. Отсюда можно сделать вывод о том, что есть и такие различия в содержании прежнего и нового завещания, которые не порождают противоречия в их юридическом содержании, позволяют признать их содержание совместимым, не содержащим противоречия.

Но И.Н. Васев отвергает возможность несовместимости общей и специальной правовых норм. Он утверждает, что «специальная норма не может устанавливать принципиально иное по правовой природе правило, нежели то, которое заложено в общей норме» [7, с. 90, 91], что общая и специальная правовые нормы являются одинаковыми «по духу», и лишь в юридико-техническом отношении мы делаем выбор в пользу специальной [7, с. 83, 84]. «Именно поэтому, по его мнению, специальная норма не может делать идеологического изъятия из общей нормы: она может не соответствовать ей в юридико-техническом отношении, но не в смысле «духа права» [7, с. 84]. Но как отличить «принципиально иное по правовой природе правило», иное «по духу» правило от «несоответствия содержания правовых норм в технико-юридическом отношении» – этого И.Н. Васев не показывает. Правда, он показывает, как исключительная норма права не отменяет общей нормы, не обесценивает ее правовое значение, а именно исключает ее действие [7, с. 91]. В этой цитате автор противопоставляет «исключение действия общей правовой нормы» «отмене общей правовой нормы», «обесцениванию ее правового значения», что при буквальном понимании этих выражений замечаний не вызывает, но вызывает вопрос о целесообразности и этого противопоставления и о целесообразности введения в научный оборот таким образом понимаемого термина «исключительной нор-

мы», а также противопоставления этого термина термину «специальная правовая норма».

Термин «исключительная правовая норма» употреблял А.Ф. Черданцев. Но он противопоставлял друг другу специальные и исключительные нормы гораздо менее решительно, чем это делает И.Н. Васев: «Признак изъятия, ограничения сферы действия общих норм является общим для специальных и исключительных норм. Различие же состоит в том, что исключительные нормы, делая изъятия из других норм, регламентируют отношения существенно иным образом, зачастую противоположным» [8, с.174]. Но ради чего это различие надо устанавливать – этого автор не поясняет. Тогда и не надо это различие проводить, ибо нет никакой разницы между поименованием, например, нормы гражданского права, исключающей применение к некоторым требованиям исковой давности, как специальной или исключительной, ибо независимо от этого наименования рассматриваемая норма не допускает применения общей правовой нормы, допускающей защиту права только в пределах срока исковой давности (этот пример А.Ф. Черданцев приводит как пример исключительной правовой нормы).

Пример исключительной нормы, приводимый И.Н. Васевым, совсем уж неудачный [7, с. 91], ибо он касается коллизии двух правовых норм, сферы действия которых частично совпадают. Такие коллизии, как показано в одной из работ [9, с. 692-707] логически являются неразрешимыми, если они не могут быть разрешены с помощью правил «*lex posterior derogat priori*» или «*lex superior derogat inferiori*». И ни одна из таких норм не может быть квалифицирована как специальная или исключительная (если согласиться с применением этого термина) по отношению к другой.

Таким образом, исключительные правовые нормы, как их понимал А.Ф. Черданцев или понимает И.Н. Васев, — это трудно определяемое явление, а также понятие, не способное выполнять какую-либо методологическую функцию, но способное усложнить и научную разработку соответствующей проблематики, и освоение методологии правотолкования в прагматических целях. Для научных целей и для целей правоприменения достаточно понятия специальной правовой нормы.

Предельная степень противоречия между содержанием общей и специальной правовой норм – это противоположность. Так, общая правовая норма, текстуально закрепленная в п.1 ст.395 ГК, обязывает должника уплачивать проценты на сумму долга. Специальная правовая норма, установленная п.4 ст.395 ГК, по общему правилу, не допускает уплаты должником процентов в случаях, когда он несет обязанность уплатить неустойку за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства. Содержание диспозиций двух приведенных (общей и специальной) правовых норм является противоположным (взаимоисключающим). Поэтому указанные нормы находятся (по терминологии науки логики) в соотношении контрастности.

Следует, однако признать, что при квалификации соотношения между правовыми нормами, установленными п.1 и п.4 ст. 395 ГК, мы допустили некоторую неточность, которую попытаемся здесь исправить. Выше было указано, что п.4 ст.395 ГК не допускает в соответствующих случаях «уплаты должником процентов». Между тем этот пункт текстуально указывает на недопустимость «взыскания» в соответствующих случаях процентов. Возникает вопрос о том, не выходит ли такая интерпретация п.4 ст.395 ГК за пределы грамматического преобразования текста рас-

смаатриваемого законодательного положения или такой выход все-таки имеет место и затронуто юридическое содержание этого положения.

«Уплата» и «взыскание» – это понятия, имеющие разное гражданско-правовое содержание. Их соотношение надо определить с помощью соответствующего логического дискурса. П.1 ст.395 ГК устанавливает, что в соответствующих случаях «подлежат уплате проценты». Эта дескриптивная (описательная), а не прескриптивная (предписывающая) формулировка на первый взгляд кажется далекой от юриспруденции. На самом деле она богата по своему юридическому содержанию, ибо дает основание утверждать, что в п.1 ст.395 ГК текстуально непрямо закреплены одновременно и обязанность должника уплатить кредитору проценты и субъективное право кредитора по денежному обязательству на получение процентов от должника. Это субъективное право кредитора на определенном этапе своего развития превращается в право требования, которое в случае обращения кредитора в суд с иском о понуждении должника к исполнению обязанности уплатить проценты приобретает гражданско-правовую форму права на взыскание суммы процентов, которое (право) текстуально непрямо закреплено в п.4 ст.395 ГК. Сравнивать правовые нормы, текстуально закрепленные в п.1 и 4 ст.395 ГК нельзя, ибо в них речь идет о разных явлениях и соответствующих им понятиях – об уплате и о взыскании. Поэтому из п.4 ст.395 ГК следует сделать вывод, по терминологии Е.В. Васьковского, от следствия к условию [10, с.302-309], а по терминологии современных авторов, от последующего правового явления (взыскания) к предыдущему (праву кредитора на получение процентов) [9, с. 228-286]. Получим правовую норму, которая логически закреплена в п. 4 ст. 395 ГК, которая при толковании обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему и в соответствии с которой кредитор при условиях, указанных в п.4 ст.395 ГК, не имеет субъективного права на получение процентов от кредитора. Это – полноценная правовая норма. Она является специальной по отношению к общей правовой норме, которая текстуально закреплена в п.1 ст.395 ГК, а потому подлежит преимущественному применению перед указанной общей правовой нормой. Преимущественному применению рассматриваемой здесь специальной правовой нормы перед общей не препятствует то обстоятельство, что эта специальная правовая норма логически (а не текстуально) закреплена в п. 4 ст. 395 ГК. На целом ряде примеров способность специальных правовых норм, которые логически закреплены в актах законодательства и обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему и наоборот, к конкуренции при правоприменении показывается в упомянутом выше издании [9, с. 228-286].

В состоянии контрарности находятся и правовые нормы, текстуально закрепленные в части первой ст. 1095 ГК и ст. 1098 ГК. Первая из этих норм обязывает соответствующее лицо возместить вред. Вторая из них при наличии условий, установленных ст. 1098 ГК, не допускает возмещения указанным лицом вреда. Содержание диспозиций двух названных общей и специальной правовых норм является противоположным, а сами правовые нормы находятся в соотношении контрарности.

Хотя контрарность предполагает ярко выраженное расхождение в содержании диспозиций или гипотез правовых норм, установление ее наличия может быть связано с трудностями, вызванными лингвистическими особенностями формулировок соответствующих законодательных положений. Так, часть первая ст. 1095 ГК уста-

навливает, что вред подлежит возмещению соответствующим лицом. Противоположная диспозиция предполагает указания на то, что вред при наличии определенных условий не подлежит возмещению. Законодатель, однако, не стремился непосредственно показать противоположность содержания диспозиций, рассматриваемых двух общей и специальной правовых норм. Он стремился придать законодательному тексту изящный стиль. Поэтому в ст. 1098 ГК он указывает не на то, что вред не подлежит возмещению, а на то, что соответствующее лицо при наличии условий, указанных в ст. 1098 ГК, освобождается от ответственности. Требуется соответствующий дискурс для того, чтобы доказать, что выражение «освобождается от ответственности» по юридическому содержанию тождественно выражению «вред не подлежит возмещению». Это не сложно, поскольку обязанность возместить вред в гл. 59 ГК многократно обозначается как ответственность за причиненный вред. После этого становится видным контрадность, в состоянии которой находятся рассматриваемые правовые нормы.

В других случаях общая и специальная правовые нормы могут быть несовместимыми, хотя бы они и не находились в состоянии контрадности. Так, в соответствии с п.1 ст.432 ГК договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. В соответствии с п.2 ст.433 ГК, если в соответствии с законом для заключения договора необходима также передача имущества, договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества. Общая правовая норма, установленная п.1 ст.432 ГК, не находится в состоянии контрадности со специальной правовой нормой, установленной п.2 ст.433 ГК, но эти две правовые нормы являются несовместимыми: момент заключения договора нельзя определять одновременно по одной и другой названным правовым нормам: необходимо сделать выбор.

В соответствии с положением абзаца второго п.3 ст.1012 ГК при отсутствии на документе, письменно оформляющем действия доверительного управляющего (очевидно, в том числе и на договоре), пометки «Д.У.», удостоверяющей действие доверительного управляющего в этом качестве, доверительный управляющий обязывается перед третьими лицами лично и отвечает перед ними только принадлежащим ему имуществом. Это – текстуально закрепленная правовая норма, которая является специальной по отношению к общей правовой норме, которая текстуально закреплена в п.3 ст.1022 ГК и в соответствии с которой «долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества» (вывод от последующего правового явления (долгов) к предыдущему обнаруживает логически закрепленную в этом законодательном положении правовую норму, в соответствии с которой обязанности, входящие в содержание указанных обязательств, исполняются за счет имущества, находящегося в доверительном управлении). Эти специальная и общая правовые нормы не находятся в состоянии контрадности, но они несовместимы, находятся в состоянии противоречия: общая норма предписывает исполнять обязательства за счет одного источника (имущества, находящегося в доверительном управлении), а специальная – за счет другого источника (имущества, принадлежащего доверительному управляющему лично). Указанная специальная правовая норма в сфере своего действия исключает применение общей точно в соответствии с правилом «*lex specialis derogat generali*» без каких-либо его корректив. Противоречие между этими общей и специальной правовой нормами является очевидным, так что законодатель напрасно стремился подчеркнуть несовместимость рассмотренных здесь правовых норм путем включения в положение абзаца второго п. 3 ст.1012 ГК, текстуально закрепляющего специальную правовую норму, слово (частицу) «только».

Изложенное дает основание для следующих выводов: 1) правило «*lex specialis derogat generali*» применяется, когда сфера действия специальной правовой нормы не выходит за пределы сферы действия общей правовой нормы; 2) если такой выход имеет место, указанное правило не применяется; 3) гипотеза специальной правовой нормы может выводить сферу ее действия за пределы сферы действия общей правовой нормы, но это не может препятствовать применению правила «*lex specialis derogat generali*»; 4) общая и специальная правовые нормы могут быть совместимыми по содержанию гипотез и диспозиций, при этом специальная правовая в сфере своего действия не может исключить применения общей нормы гражданского права; 5) обычно общая и специальная нормы гражданского права являются несовместимыми по содержанию диспозиций, но большое количество таких норм различается по содержанию гипотез; 6) несовместимость общих и специальных норм гражданского права может проявляться в противоположности (контрарности) их диспозиций, а может проявляться и в противоречии, которое, однако, исключает применение общей нормы в сфере действия специальной.

Список литературы:

1. Морозова Л.А. Проблемы типологии юридических коллизий // *Lex Russia*. – 2017. – №6. – С.32 – 38.
2. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. – М.: Норма, 2018. – 100 с.
3. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I – М.: Статут, 2011. – 510 с.
4. Еременко С.А. Теория и методология гражданского правоприменения. Дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 2011. – 621 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: АЛЕФ – Пресс, 2015. – 542 с.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
7. Васев И.Н. Коллизионное правовое регулирование в России: вопросы теории и практики. – М.: Проспект, 2021. – 192 с.
8. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
9. Новейшее учение о толковании права // Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
10. Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 508 с.

Zabelin D. N. The "lex specialis derogat generali" rule as a means of resolving conflicts between general and special norms of civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 1. – P. 273-279.

The article examines the criterion of qualification of the relationship between the norms of civil law as the ratio of general and special norms and the particularities of separate types of the ratio of general and special norms of civil law. It is concluded that the mentioned criterion is the scope of legal norms: the scope of the special legal norm is part of the scope of the general legal norm and does not go beyond the latter. General and special legal norms may be in the ratio of opposite (contrariety). Another kind of correlation of general and special legal norms is the ratio of a simple contradiction, when the content of general and special legal norms is not opposite, but still they are incompatible (cannot be applied simultaneously) in content (usually dispositions, and less often hypotheses). In cases of contrariety or simple contradiction between general and special legal norms, they cannot be used simultaneously, and a special legal norm in its scope excludes usage of a general legal norm (the rule "lex specialis derogat generali" is applied).

Keywords: general legal norm; special legal norm; scope of legal norm; collision; incompatible legal norms.

Spisok literatury:

1. Morozova L.A. Problemy tipologii yuridicheskikh kollizij // *Lex Russia*. – 2017. – №6. – С.32 – 38.
2. Vlasenko N.A. Kollizionnye normy v sovetskom prave. – М.: Norma, 2018. – 100 s.
3. Savin'i F.K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava. Т. I – М.: Statut, 2011. – 510 s.
4. Eremenko S.A. Teoriya i metodologiya grazhdanskogo pravoprimereniya. Diss. ... doktora yurid. nauk. – М., 2011. – 621 s.
5. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. – SPb.: Alef – Press, 2015. – 542 s.
6. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. V dvukh tomakh. T.II. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
7. Vasev I.N. Kollizionnoe pravovoe regulirovanie v Rossii: voprosy teorii i praktiki. – М.: Prospekt, 2021. – 192 s.
8. Cherdancev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. – М.: YUNITI-DANA, 2003. – 381 s.
9. Novejshee uchenie o tolkovanii prava // Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
10. Vas'kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov. – М.: CentRYuInfOR, 2002. – 508 s.